

Н. В. КАРНАЧУК

ПЛОЩАДНАЯ АНГЛИЙСКАЯ БАЛЛАДА XVI–XVII ВВ. ТЕКСТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается история формирования жанра печатной баллады, его специфика, границы его потенциальной аудитории, вопросы цензуры и авторства применительно к этому жанру, динамика его развития на протяжении XVI–XVII вв. Также показан процесс превращения печатной баллады в объект коллекционирования, а позже – в исторический источник. Отмечены основные коллекции ранней английской печатной баллады, дан очерк историографии, связанной с этим жанром, а также указаны возможные перспективы использования этого типа источника.

Ключевые слова: баллада, площадная литература, историография.

Как некогда заметил Фрэнк Брайант, «баллада» – один из самых расплывчатых терминов в литературной номенклатуре¹. Этот термин объединяет произведения, существенно различающиеся по форме и содержанию, возникшие в различные эпохи; это жанр, социальный статус создателей и потребителей которого широко варьировался в разные эпохи. Пожалуй, единственной общей чертой, роднящей французскую балладу XIV в., английскую площадную балладу эпохи Елизаветы Тюдор и европейскую литературную балладу XIX столетия, является связь стихотворного текста с музыкальным исполнением. В большей или меньшей степени баллада всегда предназначалась не только для прочтения, но для устного исполнения, была ресурсом и для зрения, и для слушания, балансируя на грани устного и литературного творчества.

Эта особенность жанра превращает различные виды баллады – а в особенности, как я надеюсь показать, площадную английскую печатную балладу XVI–XVII вв. – в источник, с одной стороны, сложный в обращении, с другой, потенциально способный обогатить наши представления об обществе, эти баллады породившем. Краткая история складывания площадной баллады, и история ее как исторического источника составляют содержание данной статьи.

Предшественниками английской печатной баллады были, во-первых, короткие стихотворные произведения религиозного, шуточного или лирического содержания, которые существовали в устной форме и частично дошли до нас в виде отдельных манускриптов, а также в текстах позднесредневековых религиозных представлений, приуроченных к цер-

---

¹ *Bryant*. 1913. С. 19.

ковным праздникам². Спорным остается вопрос о первоначальном заимствовании самой формы баллады из Франции, однако, уже в качестве печатного источника, площадная баллада в Англии стала гораздо более популярным и значимым жанром, чем в странах континентальной Европы³.

Она обрела свою специфичность на перекрестке лирического и политического, поскольку другим предшественником жанра, давшим ему в Англии его второе название – broadside, «площадной листок», были печатные листы, которые начали появляться в Англии в царствование Генриха VIII. Первоначально это были прозаические тексты официального характера: королевские указы или папские буллы, которые вывешивались на видных местах для всеобщего ознакомления и сопровождали устные объявления глашатаев. Почти сразу же формат «листа», в силу дешевизны и популярности, начали использовать для публикации стихотворных баллад, а в ряде случаев прозаический текст и поэтический, более пространственный рассказ, дополняли друг друга и печатались на одной странице. Таковы, например, елизаветинские тексты, сообщающие о казнях заговорщиков, посягавших на жизнь королевы: список имен преступников и время их казни дается в прозе, баллада же является эмоциональным комментарием к событию⁴. Уже в первой половине XVI века баллады обретают внешнее оформление, мало изменявшееся вплоть до XVIII в. Это был большой лист с разбивкой в две колонки, которые предваряли заглавие, набранное крупным шрифтом, гравюра-иллюстрация и краткое указание, на какой мотив следует исполнять балладу. Завершалась баллада обычно именем и адресом оттиснувшего ее издателя и, значительно реже, именем или инициалами автора.

От эпохи Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии Тюдор до нас дошло сравнительно немного баллад, и можно лишь приблизительно установить количество появившихся ежегодно «площадных листков», поскольку никакого систематического учета таких изданий не велось до середины XVI в. При этом значительное число косвенных упоминаний о печатании и распространении баллад показывает, насколько быстро broadsides завоевывали рынок. К примеру, известно, что уже в 1520 г. некто Джон Дорн, книготорговец из Оксфорда, продал более 190 баллад, хотя можно только гадать, каковы были их названия, содержание и формат⁵. Очевидно одно: счет баллад даже в первой половине века шел на сотни, они быстро стали востребованным товаром.

---

² Rollins. 1919. С. 258.

³ A collection of seventy-nine black-letter ballads. 1867. С. VI–VII.

⁴ Broadside blackletter ballads. 1868. С. 21–27.

⁵ Shepard. 1962. С. 50.

Большая часть сохранившихся ранних баллад – политически ангажированные произведения. В частности, сохранилось восемь баллад – свидетельство маленькой памфлетной войны вокруг падения Томаса Кромвеля: в них нашли отражение и протестантская, и прокатолическая позиций⁶. Вторым рано возникшим подвидом печатной баллады стали религиозные тексты. Самым старинным образцом, дошедшим до нас, является баллада *Luther, The Pope, and a Husbandman*, напечатанная около 1535 г. Разумеется, в дальнейшем печатная баллада становится преимущественно протестантской, однако католическая баллада продолжает существовать в рукописях и, видимо, распространяется устно в среде тех англичан, кто сохранил верность католицизму⁷. Однако, начиная с 1570-х гг., все заметнее становится рост количества светских по тематике баллад, в которых даже призывы к праведной жизни обретают вполне земные мотивации, поскольку утверждают, что добродетель и чистая совесть дают долгую и обеспеченную жизнь.

Следует отметить, что, хотя и в этот период, и позднее, сочинение и печатание баллады были частным делом автора и издателя, власти быстро оценили мощный пропагандистский ресурс площадных стихов. В 1533 г. появилась первая королевская прокламация, запретившая публикацию «баллад, стихов и прочих непристойных трактатов на английском языке», и, судя по случаю 1537 г., когда некий Джон Хогон был арестован за пение политической баллады, устная передача текста также до некоторой степени контролировалась⁸. В годы правления Марии Тюдор несколько указов предписали обязательное лицензирование книг, памфлетов и баллад, и, наконец, был издан «Акт против мятежных речей и слухов». Он гласил, что страну наводняют «многие гнусные, мятежные и клеветнические писания, стихи, баллады, письма, труды и книги», сеющие раздор. Виновным в их написании или напечатании предстояло лишиться ушей или заплатить штраф в 100 фунтов, – и правой руки, если произведение порочило короля или королеву. Этот закон на многие десятилетия пережил Марию, именно согласно «Акту против мятежных речей и слухов» уже при Елизавете были наказаны автор и издатель пасквиля на герцога Анжуйского, претендента на руку королевы Англии⁹.

Наконец, в 1557 г. была создана Компания Книгоиздателей (Stationers' Company), представлявшая собой консорциум привилегированных и

---

⁶ A collection of seventy-nine black-letter ballads. С. VI–VII.

⁷ Old English Ballads 1553–1625. С. 34–62.

⁸ Shepard. 1962. С. 51.

⁹ Old English Ballads 1553–1625. С. XIV.

покровительствуемых королевой печатников. Устав Компании предписывал не допускать до публикации «вредоносные и непристойные» книги. Это достигалось введением процедуры обязательной платной регистрации любого издаваемого произведения, в том числе – баллад и памфлетов, в специальном Регистре Компании¹⁰. До нас дошли, с некоторыми пропусками, «Регистры» за 1554–1640 гг., и они, безусловно, являются важнейшим вспомогательным источником для датировки баллад, выявления повторяющихся в заглавиях мотивов, а также оценки количества изданий и переизданий¹¹. Тем не менее, исследователями площадной литературы неоднократно было замечено, что далеко не все дошедшие до нас баллады отмечены в «Регистре». Не все издатели входили в Компанию, многие пренебрегали обязательной регистрацией, нередки и случаи с небрежной, неточной записью заглавия в Регистрах, затрудняющие идентификацию баллад. Кроме того, как и раньше, далеко не каждая сочиненная баллада печаталась: многие рождались в ходе пирушки или обсуждения местных дел и либо исполнялись устно, либо записывались от руки. Адам Фокс, обратившись к записям судебных дел Звездной Палаты, обнаружил там десятки случаев, связанных с оскорблением истца, про которого ответчик сочинил балладу, чернящую его доброе имя, балладу, которую сам же ответчик записал (или, по неграмотности, просил записать другого) и распространял в этом «доморощенном» виде¹².

Таким образом, площадная баллада превращается в жанр, не только неотрывно привязанный к «злобе дня», будь то выигранная битва, казнь убийцы, новый закон короля против пьянства или незаконная связь местного сквайра со шлюхой, но и в силу, способную неформально регулировать отношения внутри социума. И государство, и частные лица, ставшие объектами написания баллады, во всяком случае, видели в этих текстах угрозу. Баллада о рождении монстра – довольно популярная тема в площадной балладе рубежа XVI–XVII вв., – рассказывающая, как провинциальная служанка родила зловещего «дьявольского» кота, сумела встревожить члена Парламента и епископа Лондона, поскольку была чревата нагнетанием апокалиптических тревог¹³. В 1606 г. герой комедии Джорджа Чапмена, «Monsieur d'Olive», бессовестный светский повеса, заявляет: «Я не боюсь ничего, кроме того, что попаду в балладу»¹⁴.

¹⁰ Wurzbach. 1990. С. 18.

¹¹ Ознакомиться с «Регистрами» позволяют два основательных издания: A transcript of the Registers (1875), а также двухтомник Extracts from the Registers (1849).

¹² Fox. 1994. С. 47–83.

¹³ Об этом казусе см.: Карначук. 2006. С. 141–160.

¹⁴ “I am afraid of nothing but I shall be balladed”. (Old English Plays. С. 397).

При этом официальная цензура в елизаветинскую эпоху и при первых Стюартах не смогла добиться реального контроля над площадной литературой, по крайней мере, по мнению К. Миллера¹⁵. Запретительная тенденция, разумеется, существовала и развивалась и в правление Якова I, когда издатели, в обход запрета, начали широко применять практику регистрации политически или религиозно «острых» памфлетов и баллад под нейтральным названием¹⁶. Тем не менее, огромное большинство печатных баллад, дошедших до нас, написано в духе охранительном и лояльном как к светской власти, так и к протестантизму. Наташа Вюрцбах полагает, что фактором, сдерживающим распространение подрывных площадных листков, была отнюдь не королевская власть и цензура, а «в массе своей лояльное и консервативное общественное мнение». Площадная баллада сильно зависела от спроса на нее, издателям не было никакого смысла размножать листки, не соответствующие интересам и вкусам аудитории¹⁷. Не отрицая этого вывода, следует помнить и о существовании параллельно с печатной балладой и на пересечении с ней самодельных, устных и рукописных баллад. Причем эти самодельки и лексически, и по содержанию, были куда более «солевыми», как показано в работах А. Фокса, А. Макрэя и А. Беллани¹⁸.

И все же печатная баллада XVII – первой половины XVIII в. отнюдь не является выражением застывшего и срежиссированного «сверху» официоза, это живой и крайне многообразный жанр. Фактически, площадная баллада для людей того времени являлась аналогом пришедших ей на смену газет. Она охватывает едва ли не все волновавшие современников темы: новости внешней и внутренней политики, предсказания, знамения и произошедшие катастрофы, разнообразные советы (от разъяснения, как спасти душу, до помощи в выборе хорошей жены), криминальную хронику, исторические анекдоты, развлекательные или печальные истории из жизни, любовную лирику, сатирические нападки и шутейные песни.

Авторское начало в печатной балладе иногда выглядит несколько стертым: несмотря на большую или меньшую музыкальность и красоту, лексически баллады множества авторов достаточно близки между собой, в них постоянно повторяются одни и те же обороты речи, одинаковые приемы воздействия на аудиторию. Об одной из причин такой стертости – ориентировке автора на рынок и покупательский спрос, уже говорилось

---

¹⁵ Цит. по: *Wurzbach*. 1990. С. 23.

¹⁶ *McRae*. 2004. С. 17.

¹⁷ *Wurzbach*. 1990. С. 25.

¹⁸ *Fox*. 2000; *McRae*. 2004; *Bellany*. 2002.

выше. Но надо принять в расчет и другой фактор, связанный не с самим материалом исследования, а с ограниченными возможностями исследователя: анонимность большинства сочинителей баллад. При размерах общего корпуса дошедших до нас broadsides XVI–XVII вв., составляющем около 8000 текстов, лишь о 200 авторах мы знаем хотя бы их имена или инициалы¹⁹, причем некоторые из этого списка известны как создатели всего одной или двух баллад. И едва ли более чем о двух десятках авторов имеются хотя бы скудные и спорные биографические данные.

Основываясь на этих данных, с уверенностью, пожалуй, можно сказать только одно: разнообразие социального и образовательного уровня авторов было крайне велико. Баллады сочиняли (и прославились на этом поприще) и выпускник Оксфорда, наставник Генриха VIII, поэт-лауреат Джон Скелтон, и бывший ткач Томас Делоне, и содержатель лондонской таверны Мартин Паркер. Обращались к балладе, чтобы высказать свои взгляды, дворянин Джон Хейвуд, католические священники Уильям Форрест и Леонард Стопс, протестант-проповедник Томас Брайс. Более того, в авторстве некоторых баллад современники подозревали не только придворных, таких, как Уолтер Рэли, но и монарха, Генриха VIII. Многие сочинители, высказавшись в балладе, больше никогда не обращались к этому жанру. Хотя, по всей видимости, постепенно складывалась когорта авторов, регулярно подрабатывавших написанием и продажей баллад, но трудно предположить, что кто-то из них мог заработать этим себе на жизнь, слишком дешево оценивался подобный труд. Скорее, это было ремесло ради приработка или занятие для развлечения, соединенное с возможностью высказаться.

Причиной того, что баллады редко подписывались, была не столько боязнь конфликта с цензурой, сколько низкий статус баллады в иерархии литературных жанров. Собственно, из всех жанров баллада считалась едва ли не самым низшим и недостойным. Начиная с середины XVI в. на площадную балладу обрушиваются критики, нападающие на нее как во имя нравственности, так и во имя литературного качества текста. Томас Лодж в «Защите поэзии, музыки и пьес» (1579), прямо призывает городские власти искоренять дикие песни, полные непристойностей, которые поют разные негодяи: глупые баллады заставляют забыть о добрых и божественных стихах²⁰. Томас Нэш в «Анатомии абсурда» (1589) насмехается над «невежественными рыцарями эля», бормочущими баллады²¹.

¹⁹ Poulton. // *Early Music*. 1981. С. 427.

²⁰ Lodge. 1853.

²¹ Nash. 2010. С. 23.

Появляется даже баллада против нечестивых баллад. Проповедник Томас Брайс в 1570 г. выпускает балладу под названием «Против грязных сочинений и подобных наслаждений» (*Against filthy writing, and such like delighting*), в которой риторически спрашивает, кому служат англичане – Господу или Купидону, и призывает немедленно отречься от грязных песен из таверны²². Критики осуждают балладу за грубость и безграмотность – в самом деле, стандартов «изящной словесности» своей эпохи площадной листок не выдерживает. Хершел Баркер показал некогда в специальной статье, сколь формальны и отрывочны в площадной балладе обращения к античной литературе и мифологии²³. Простота и отсутствие попыток играть с мифологическими или тонкими религиозными ассоциациями читателя, объяснимы тем, что баллада ориентирована на широкие слои городских и деревенских простолюдинов, и даже образованный автор стремился в ней прежде всего к доходчивости.

Низкий литературный статус сочетался с дурной нравственной репутацией: сочинители и исполнители баллад выглядят в работах своих критиков вечно пьяными, красноносыми, развратными и безграмотными. Исполнители баллад, а они обычно были и их продавцами, даже прямо обвинялись в сообщничестве с ворами-карманниками²⁴.

Однако пренебрежительное отношение к жанру несколько не мешало читать баллады представителям практически всех страт английского общества XVI–XVII вв. Продажа площадных листов растет из года в год. Если в первый год существования Компании Книгоиздателей среди ее членов было всего два печатника, занимавшихся изданием баллад, то через 10 лет таких издателей было уже 40, и около 30 печатников издавали баллады без лицензии, в обход закона. Мелодии баллад – таких как *Fortune my foe*, *Lord Willoughby*, *Walsingham*, *Greensleeves*, *Bonny sweet Robin* – имеют в английской музыке XVI–XVII вв. десятки обработок для разных музыкальных инструментов: виолы, лютни, верджинела²⁵.

Поток баллад не иссякает вплоть до 1648 г., когда их сочинение и распространение было запрещено пуритански настроенным Парламентом, вместе с другими видами общественных развлечений. В течение пяти лет баллады отсутствуют в Регистрах компании книгоиздателей, хотя их «нелегальная» – устная и рукописная – жизнь продолжается. Баллады эпохи Английской революции заметно политизируются и делятся на по-

²² A collection of seventy-nine black-letter ballads. С. XIII.

²³ *Barker*. 1939. С. 981–989.

²⁴ *Greene*. 1924. С. 18–19.

²⁵ *Poulton*. 1981. С. 428.

лярные лагеря: про-королевский и про-парламентский. Причем в роялистском лагере жанр не подвергается запрещению, и даже приобретает новые ритмические черты походной песни²⁶. Что касается протестантов, то в 1653 г. Оливер Кромвель, в качестве лорда-протектора, восстановил театральные представления и вновь дозволил печатание баллад²⁷. Революция, таким образом, не прервала существование и развитие жанра, но другие, более длительные и менее заметные трансформации кардинальным образом изменили облик печатного листка.

К концу XVII в. баллада все больше превращается в «литературу для бедных», обретает черты профессионально создаваемых текстов, формируемых с точным прицелом на реформирование и улучшение моральных стандартов социальных низов. П. Бёрк указал на наличие достаточно планомерной «реформы нравов» во всех европейских странах на рубеже Нового времени²⁸, и в области сочинения баллад его точка зрения находит ряд подтверждений. Баллада ощутимо становится беднее лексически, в области интонирования текста задушевность заменяется сенсационностью, авторы, как прежде, анонимные, становятся все более безликими.

Безусловно, здесь свою роль сыграло все более значительное культурное обособление образованной «элиты» общества от менее зажиточных слоев. Политические новости, начиная с появления в 1620-е гг. первых «Курантов», «чистая публика» все чаще ищет не в варварских рифмованных стихах, а в газетах или прозаических памфлетах. Собственно, сами газеты проходят путь от broadside, в каком формате появились первые голландские «Куранты» в 1620–1621 гг., до небольших памфлетов, «книг новостей»²⁹. Цена таких книг выше, чем печатного листка, который стоил один-два пенни, позволить себе покупать книги может только человек с постоянным и достаточно большим доходом. Существовавшая в образованных кругах уже в XVI в. неприязнь к интеллектуальной убогости баллады, которая пропитывала массу сочинений самых разных писателей и проповедников – над продавцами и покупателями баллад в своих произведениях посмеивались и Шекспир, и Бен Джонсон, – постепенно перестает встречаться в «высоких жанрах». Площадную балладу просто перестают замечать, она по-прежнему существует, но уже не влияет на образованных людей, становится уделом безграмотных матросов и торговков.

²⁶ См.: The cavalier songs and ballads. 1863.

²⁷ The Roxburghe Ballads. 1871. P. XV.

²⁸ Burke. 1978.

²⁹ Shepard. 1962. С. 28.

Но, прежде чем разрыв образованной публики с площадной балладой произошел окончательно, она начала превращаться в исторический памятник, в объект собирательства. Ценность площадных листков как «любопытных редкостей» оценили во второй половине XVII в., именно тогда возник ряд коллекций, благодаря которым мы сейчас имеем возможность изучать площадную литературу.

Наиболее известный и один из самых первых коллекционеров – Сэмюэл Пипс, свидетель казни Карла I и непосредственный участник возвращения на престол Карла II, автор исключительно интересных «Дневников», был человеком обширных интересов. Он собрал коллекцию печатных баллад и песен, объемом в пять томов и размером в 1800 баллад, из которых почти полторы тысячи – это тексты конца XVI и начала XVII вв., эпохи расцвета жанра. Причем Пипс, с одной стороны, выступает как коллекционер, т.е. рассматривает баллады не столько как повседневное чтение и не как источник новостей, а как занятые редкости. Свою коллекцию он делит на 11 категорий, среди которых: «Набожность и мораль», «Государство и времена», «Истории настоящие и выдуманные», «Любовь приятная» и «Любовь несчастная», «Море», «Выпивка и добрая компания» и т.д. Сами принципы распределения баллад по категориям очень интересны и заслуживают отдельного исследования³⁰, однако уже факт каталогизации показывает, насколько Пипсу, придворному и администратору высокого ранга, чужд некогда общепринятый жанр. Но разрыв с балладой еще неполон: Пипс порой выступает и как читатель, получающий удовольствие от площадных текстов и не стесняющийся его показать. Например, на похоронах сэра Томаса Теддимана, печаль не помешала одному из знакомых Пипса достать из кармана баллады, а Пипс «их прочел, и остальные подошли ко мне послушать, и мы все очень веселились, потому что это были новые баллады. Тем временем и труп вынесли, и мы...пошли пешком через Лондонский мост...»³¹ Баллада еще остается для высшего круга источником развлечения и радуется своей новизной, но политическая и новостная ее функции уже утеряны.

Второе по величине и значимости собрание, *The Roxburghe ballads*, названо по имени графа Роксборо, на исходе XVIII в. сохранившего и расширившего изначальную коллекцию. Это собрание начало свое существование, как и коллекция Пипса, во второй половине XVII в., и первым собирателем его стал граф Роберт Харли, придворный королевы

---

³⁰ Статьи и библиографию по теме см.: English Broadside Ballad Archive (EBBA). URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/page/Pepys-categories>.

³¹ The diary of Samuel Pepys... Запись от 15 мая 1668 года.

Анны, с большим увлечением коллекционировавший редкие манускрипты и ранние печатные документы. Баллады Роксборо насчитывают 733 текста, из которых к ранним можно отнести менее двухсот. Другие собрания баллад (часто не печатных оригиналов, а переписанных владельцами от руки), такие как The Shirburn Ballads, Euling Collection, Bagford Collection, Richard Rawlinson Collection и др., насчитывают от 400 до 100 баллад каждая, доля же текстов эпохи Елизаветы и Якова I в них в среднем не выше 30%³².

Именно на основе этих коллекций и отдельных сохранившихся печатных листков строилась и строится работа исследователей площадной баллады. Несмотря на тематические предпочтения некоторых коллекционеров (так, неизвестный нам первый собиратель кодекса Ширбурнских баллад явно благоволил к религиозным поучениям и назидательным историям), этот комплекс источников может дать представление и о наиболее популярных темах площадной баллады, и об особенностях ее построения как текста, и о широкой палитре смыслов, сознательно или неосознанно вложенных авторами в свои произведения. В этом смысле именно баллада конца XV – начала XVII в. наиболее репрезентативна в качестве зеркала, отражающего распространенные убеждения широких слоев английского общества этой эпохи.

Однако обращение к площадным листкам как к источнику, несмотря на давнюю традицию, далеко не исчерпало своих возможностей. Во второй половине XIX в., благодаря огромным и постоянным усилиям таких знатоков ранней английской литературы и шекспироведов, как Джон Пейн Коллиер, Хайдер Эдвард Роллинс, Уильям Чэппел и их последователей, значительная часть коллекций площадных баллад была опубликована и получила научный комментарий. Собранные и отредактированные ими издания до сих пор остаются необходимым ресурсом любого, кто обращается к теме ранней площадной литературы³³.

Но для исследователей второй половины XIX и первой половины XX в. площадные баллады служили лишь источниками по истории английской литературы. Кроме того, сохранялось традиционное отношение к ним как «низкому» и грубому жанру. В 1939 г. Х. Баркер еще с трудом находит оправдания для того, чтобы причислить балладу к «литературным произведениям», настолько примитивным и варварским считается этот жанр³⁴. Во многом это негативное отношение обусловила позиция

---

³² The Bagford ballads. 1878; The Shirburn ballads. 1907.

³³ Помимо уже упоминавшихся, нужно отметить A Pepysian Garland. 1971.

³⁴ *Barker*. 1939. P. 981.

еще одного прославленного собирателя баллад, Фрэнсиса Джеймса Чайльда³⁵. Чайльд стремился к поиску народного, фольклорного творчества, понимая его как древнее, изустно передаваемое и мало изменчивое. Исходя из этого он, часто вопреки очевидности, считал наиболее ранней формой бытования баллады устную, потом – рукописную, а печатную форму рассматривал как хронологически более позднюю и менее ценную, «испорченную»³⁶. Также непременным атрибутом «народной» баллады ему виделась нарративность и кольцевое построение текста с повторяющимися рефренами. Таким образом, Чайльд фактически отрицал право на литературную и научную ценность баллад политических, не излагавших отдельную историю (например, баллад в форме перечня добрых советов или наставлений), а также хоть сколько-нибудь «грубых» или «скабрзных». Хотя субъективизм Чайльда в оценке баллад подвергался порою критике, в целом, его концепция народного, фольклорного творчества оказалась наиболее авторитетной в тот период. Она в наибольшей степени соответствовала пониманию «фольклора» и «народной традиции», господствовавшей в тот период.

Следует отметить, что активная роль печатной баллады в политической и повседневной жизни Англии XVI–XVII вв. все же была отмечена М.А. Шабером в работе «Некоторые предшественники газет в Англии. 1476–1622 гг.», но дальнейшего развития это направление, насколько мне известно, не получило³⁷. Возрождение интереса к площадной балладе как источнику, а также расширение сферы применения данных, полученных из этого источника, относятся ко второй половине XX века. Первой ласточкой стала книга Лесли Шепарда о происхождении и смыслах площадной баллады³⁸. Он предлагал классифицировать все многообразие баллад, разделив их на четыре типа: традиционная баллада, печатная, литературная и салонная³⁹. В этом, как и в критериях оценки «традиционности» баллады, Шепард во многом повторял Чайльда. Однако книгу отличает попытка подойти к балладе как к динамически развивающемуся жанру, в котором устная и письменная формы связаны очень тесно. Шепард сделал значимую попытку «взломать» иерархию жанров, вывел печатную балладу из числа бедных и примитивных текстов.

---

³⁵ Фундаментальной работой Чайльда является пятитомное издание “The English and Scottish Popular Ballads”. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/>

³⁶ Brown. 2011. P. 68.

³⁷ Shaaber. 1929.

³⁸ Shepard. 1962.

³⁹ Ibid. P. 31.

Дальнейшее развитие интереса к площадной балладе, можно сказать, настоящий бум, произошел в 1980–2000 гг. в результате переосмысления предмета и методов исторической науки, которое имело место в рамках «антропологического поворота». Интерес к истории повседневности, к истории возрастной и гендерной (история детства, молодежных объединений, женщин, старости), маргинальных и профессиональных групп (история ремесленных специальностей, криминала, моряков, маргиналов) – для любой из перечисленных отраслей площадная баллада может служить и служит превосходной источниковой базой. Особенно заметны прорывы в двух сферах: гендерной истории и истории преступления и наказания. Прекрасные работы Мартина Рэндала, Джой Вилтенбург, Патриции Фумертон, Сандры Кларк⁴⁰ показали, насколько богатым оказывается анализ повторяющихся мотивов в площадных балладах и как богаты в этом смысле могут оказаться перспективы компаративного исследования. В частности, сравнение одного и того же жанра печатного листка в Германских землях и Англии дало возможность Д. Вилтенбург выявить специфические черты гендерного кода, отношения к насилию и особенности смехового восприятия в двух этих регионах. Сравнительный подход к разным типам источников – площадной балладе, памфлету, проповеди, гравюре – позволил Тессе Уатт сделать интересные выводы о нормах народного благочестия и помощи бедным⁴¹.

Изучение площадной баллады при помощи методов не только исторической науки, но филологии, социологии, в частности теории коммуникаций, психологии также дает возможность делать обоснованные выводы о восприятии устного и письменного слова, об особенностях популистской риторики XVI века, о восприятии авторитета и закона. Это показали работы Наташи Вюрцбах и Рут Финнеган⁴².

Возродившийся интерес к площадным листкам привел к созданию, в рамках ряда крупных грантов, мощных электронных ресурсов, делающих тексты и факсимиле broadsides доступными широкому кругу исследователей. Самым значительным из этих проектов, без сомнения, является Архив английской площадной баллады⁴³.

Таким образом, доступность текстов, применение междисциплинарных подходов и обращение к площадной балладе как источнику, который дает возможность заглянуть в строй мыслей и чувств широких

⁴⁰ Clark. 2003; Fumerton. 2002. С. 493–518; Randall. 2005; Wiltenburg. 1992.

⁴¹ Watt. 1991.

⁴² Finnegan. 1988.

⁴³ English Broadside Ballad Archive (EBBA). URL: <http://ebba.english.ucsb.edu/>

слоев английского населения XVI–XVII вв. делает обоснованной дальнейшую работу в этой области, в частности исследование репрезентации власти и суда в площадной балладе, особенностей смеховой культуры, восприятия нормы и чуда и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- The Bagford ballads. Hertford: Stephen Austin and Sons, 1878. 1117 p.
- Broadside blackletter ballads, printed in 16th and 17th centuries, chiefly in possession of J. Payne Collier. L.: Printed by Thomas Richards. 1868. 131 p.
- The cavalier songs and ballads of England 1642 to 1689 / Ed. by Charles Mackay. L.: Griffin Bohn and Co. 1863. 310 p.
- The diary of Samuel Pepys M.A. F.R.S. / Ed. by Henry B. Wheatley. L.: George Bell & Sons. 1893. URL: <http://www.gutenberg.org/files/4195/4195-h/4195-h.htm>.
- Extracts from the Registers of the Company of Stationers of London, between the years 1570–1587 / Ed. by J. Payne Collier. L., 1849. 294 p.
- Greene R. The blacke bookes messenger. Cuthbert Conny-catcher. The defence of conny-catching. L.: John Lane the Bodley Head Ltd. 1924. 66 p.
- Lodge Th. A Defence of poetry, music and stage-plays. L., 1853. 129 p.
- Nash Th. Memorial, Introduction, Biographical; Anatomy of Absurdity; Martin Marprelate Tractates, Etc. Whitefish, Montana: Kesseinger Publishing, 2010. 328 p.
- Old English Ballads 1553–1625, chiefly from manuscripts / Ed. by Hyder E. Rollins. Cambridge: Cambridge university press. 1920. 422 p.
- Old English Plays. Vol. 3. L.: Wittingham and Bowland. 1814. 432 p.
- A Pepysian Garland. Black-letter broadside ballads of the years 1595–1639 / Ed. by Hyder E. Rollins. Cambridge: Harvard University Press. 1971. 475 p.
- The Roxburge Ballads. Vol.1 / Ed. by W. Chappel. L.: Taylor and Co., 1871. 643 p.
- The Shirburn ballads, 1585–1616 / Ed. by A. Clark. Oxford: Clarendon Press, 1907. 380 p.
- Songs and ballads with other short poems chiefly of the reign of Philip and Mary / Ed. by Thomas Wright, L.: Nichols and Sons, 1860. 215 p.
- A transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554–1640. 2 vols. / Ed. by Edward Arber. L., 1875. 596 c.

ЛИТЕРАТУРА

- Barker Hershel C. Classical material in broadside ballads, 1550-1625 // PMLA. 1939. Vol. 54. № 4. P. 981–989.
- Bellany, Alastair. The politics of court scandal in Early Modern England: News culture and the Overbury affair. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 335 p.
- Burke P. Popular culture in Early Modern Europe. N.Y.: New York Univ. Pr., 1978. 365 p.
- Brown M. E. Child's Unfinished Masterpiece: The English and Scottish Popular Ballads. Urbana: University of Illinois Press, 2011. 198 p.
- Bryant F.A. History of English balladry. Boston: The Gorham press, 1913. 442 p.
- Clark, Sandra. Women and crime in the street literature of Early Modern England. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 233 p.
- Finnegan, Ruth. Literacy and Orality: Studies in the Technology of Communication. Oxford: Basil Blackwell. 1988.

- Fox A.* Ballads, libels and popular ridicule in Jacobean England // *Past and Present*. 1994. № 145. P. 47–83.
- Fox A.* Oral and literate culture in England, 1500–1700. Oxford: Oxford University Press, 2000. 497 p.
- Fumerton P.* Not Home: Alehouses, Ballads, and the Vagrant Husband in Early Modern England // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2002. № 32. P. 493–518.
- McRae A.* Literature, Satire and the Early Stuart State. N.Y.: Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 250 p.
- Poulton, Diana.* The Black-letter broadside ballad and its music // *Early Music*. 1981. Vol. 9. № 4. P. 427–437.
- Randall M.* Women, Murder, and Equity in Early Modern England. N.Y.: Routledge, 2008.
- Rollins, Hyder E.* Black-letter broadside ballads // *PMLA*. 1919. Vol. 34. № 2. P. 258–339.
- Shaaber M.A.* Some Forerunners of the Newspaper in England 1476–1622. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1929.
- Shepard L.* The broadside ballad. A study in origins and meaning. L.: Cox and Wyman Ltd., 1962. 205 p.
- Watt Tessa.* Cheap Print and Popular Piety, 1550–1650. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 392 p.
- Wiltenburg, Joy.* Disorderly Women and Female Power in the Street Literature of Early Modern England and Germany. Charlottesville: University Press of Virginia, 1992.
- Wurzbach, Natascha.* The Rise of the English Street Ballad, 1550–1650 / Translated by Gayna Walls. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Карначук Н.В.* Случай Агнесс Боукер: гендерные установки в позднесредневековой Англии // *Адам & Ева*. № 11. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 141–160.

Карначук Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Томского государственного университета; karnach@2005yandex.ru